

законопроекте предлагается введение уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. На наш взгляд, норма, предусматривающая уголовную ответственность, не лишена недостатков. В частности, уголовная ответственность предусматривается только в случае наступления такого последствия, как гибель животных, а при различного рода увечьях предлагается ограничиться административной ответственностью. Считаем, что хулиганские и корыстные мотивы при жестокое обращении с животными должны влечь повышенную ответственность. Поэтому, учитывая данные обстоятельства, целесообразно рассматриваемую норму сформулировать с административной преюдицией. Полагаем, что данную норму необходимо закрепить в главе 30 УК «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» и ее содержание целесообразно изложить следующим образом:

«Статья 348-1. Жестокое обращение с животными

1. Жестокое обращение с животными, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, – наказывается общественными работами, или штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до одного года, или арестом на срок до трех месяцев, или ограничением свободы на срок до одного года.

2. Жестокое обращение с животными, повлекшее его гибель, либо совершенное из хулиганских или корыстных побуждений, либо в присутствии заведомо малолетнего, –

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок».

КОНТРАБАНДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В РАМКАХ ЕВРАЗЭС: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ

Я. П. Миронович, Белорусский государственный университет

Анализ норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, в уголовных кодексах Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации показывает, что эти нормы отличались и до вступления этих государств в Таможенный союз, а после вступления в данную интеграцию нормы стали отличаться еще больше. Во-первых, возникает вопрос с определением родового объекта, взаимосвязь предмета и родового объекта иногда весьма эфемерна: при анализе перечней, утвержденных постановлением Совета Министров № 1397, существуют перечни предметов, ограниченных ко ввозу (вывозу) по основаниям неэкономиче-

ского характера. Представляется, что неконтролируемый ввоз (вывоз) этих предметов создает угрозу причинения вреда другим объектам.

Ряд проблем порождают и разночтения в определении предмета контрабанды. К примеру, в Республике Беларусь действуют одни перечни наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, источников ионизирующего излучения, а также квалифицирующие размеры таких средств и веществ, а в Российской Федерации и Республике Казахстан – свои перечни, которые не совпадают по ряду позиций с нашими перечнями. Выходом из сложившейся ситуации будет принятие единых списков для всех трех стран, входящих в Таможенный союз, в том числе и для предметов, в отношении которых установлены специальные правила перемещения. Нет единства и в определении места совершения контрабанды. По УК РФ местом совершения контрабанды, исходя из диспозиций ст. 226-1 и 229-1, является «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза» либо «через Государственную границу Российской Федерации». УК Казахстана попытался закрепить сходный подход в определении места контрабанды только в одной статье – ст. 250, которая предусматривает ответственность за незаконное перемещение «через таможенную границу Таможенного союза и (или) Государственную границу Республики Казахстан». В статье 209 УК Казахстана указано только перемещение через таможенную границу Таможенного союза. Подход третьего государства – участника Таможенного союза – Республики Беларусь, остался прежним (ст. 228 УК Республики Беларусь). Возможно, стоит перенять опыт российских коллег и построить диспозицию ст. 228 с указанием места незаконного пересечения как таможенную границу Таможенного союза, так и Государственную границу Республики Беларусь, только поставить между ними гибкие союзы «и (или)», как это сделано в ст. 250 УК Казахстана, а не категоричный союз «либо», так как при таком варианте будет совершено два разных преступления, отличающихся местом и временем совершения. Возможен и еще один вариант решения вопроса определения места, указав при этом только «таможенную границу» без указания на Республику Беларусь, так как Таможенный кодекс Республики Беларусь в ст. 3 определил, что таможенная граница совпадает с Государственной границей Республики Беларусь. Однако в ч. 2 ст. 2 ТмК ТС закреплено иное определение таможенной границы. В таком случае, поскольку термин «таможенная граница» является бланкетным, его трактовка будет осуществляться в соответствии с ТмК Республики Беларусь и таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Разрешению некоторых вопросов об уголовно-правовой юрисдикции относительно таможенных преступлений, совершаемых на территории одного из государств – участников Таможенного союза, способствовало

подписание Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза (ратифицирован Законом Республики Беларусь от 8 мая 2011 г. № 248-3), тем не менее ряд вопросов остается неразрешенным.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

М. М. Морозов, Академия МВД Республики Беларусь

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) имеется ряд норм, предусматривающих ответственность за неоднократное совершение деяний после применения к виновному мер административной ответственности (ст. 224, 244, 262, ч. 1 ст. 317-1 УК и др.). В литературе они именуются уголовно-правовыми нормами с административной преюдицией. Суть административной преюдиции изложена в ст. 32 УК. Согласно указанной норме в случаях, предусмотренных Особой частью УК, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Вместе с тем в теории уголовного права до сих пор остается неразрешенным вопрос, к какому именно из элементов состава преступления следует относить административную преюдицию. В научной литературе имеется две точки зрения по поводу данной проблемы.

Приверженцы первой позиции относят признак административной преюдиции к объективной стороне состава преступления, объясняя это, с одной стороны, тем, что в состав преступления должно включаться не только повторно совершенное деяние, но и первое правонарушение, и, с другой стороны, тем, что годичный период является факультативным признаком объективной стороны состава преступления – временем совершения деяния. Вторая позиция основывается на том, что преюдиция – признак, наделяющий субъекта преступления статусом специального, то есть как лицо, к которому были применены меры административного взыскания за аналогичное нарушение. Думается, что первая позиция не является обоснованной, поскольку, во-первых, включение в состав преступления деяния, за которое лицо уже было наказано в административном порядке, означает, по сути, повторное вменение в вину деяния, за которое уже было наложено взыскание, что противоречит принципу справедливости. Во-вторых, указанный годичный период не следует признавать временем в смысле факультативного признака объективной стороны преступления, поскольку такое время «субъективно» и исчисляется только в отношении одного правонарушителя, а не в отношении неопре-